

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Инна ПЕРЦОВА (Кировоград, Украина)

У статті представлена спроба дослідження особливостей кодування картини світу в мовних знаках. Моделювання мовної картини світу осмислюється в контексті світобачення Бродського; розглядається специфіка відтворення об'єктивної дійсності в поетичних творах письменника.

The paper explores the encoding of worldview by means of language signs. The modeling of the language mapping of the world is interpreted in terms of J. Brodskiy's vision of it. Specific features of reality depiction in poet's writing are described.

Человек живет в природе и обществе. Он действует, чувствует, познает, переживает, осмысливает свои чувства к людям, вступает в определенные отношения с ними, воспринимает явления природы, оценивает их. Вся эта картина мира, вся жизнь человека пропускается через человеческое сознание, отражается в языке, становясь содержанием общения. С процессом познания мира тесно связан язык как обязательный атрибут, который включается во взаимодействие с объективной деятельностью и актуализирует сложную сеть взаимоотношений с миром. В этих связях и проявляется со всей полнотой человеческий фактор.

Мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение в языковых знаках, которые отражают совершенствование человеческого мышления, происходящее под влиянием развития общества.

Человеческое сознание можно рассматривать в двух основных измерениях: на уровне микросоциумов (непосредственно данных языковых коллективов) и на уровне макросоциума, то есть на уровне всечеловеческого сознания.

Одним из проявлений человеческого сознания есть мировоззрение, то есть своеобразная система взглядов на объективный мир и место в нем человека, отношение человека к окружающей действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентиры. Ценностный аспект сознания выражает избирательность человеческого сознания, его ориентацию на выработанные обществом и принятые субъектом ценности – философские, научные, политические, нравственные, эстетические, религиозные и др.

Длительная и сложная работа общественного сознания формировала общечеловеческие идеалы, отражала в них высшие ценности человеческого бытия. Естественный или физический мир в человеческом измерении есть мир ценностей. Он не только отражается, осознается, но и переживается, соотносится с такими базисными смысловыми категориями, как "бытие", "цель", "смерть", "добро", "зло", "я". Потребность, вначале физическая, а позднее и духовная, ориентации в мире вынуждает человека выбрать те ценности, которые он полагает истинными. Единство общечеловеческих ценностей основывается на единстве ментально-психологических законов познания мира, которые лежат в основе лингвистических универсалий.

Современные исследования Н.А. Рудякова, Ю.С. Лазебника, В.Н. Манакина, О.А. Семенюка свидетельствуют об усиленном интересе современной лингвокультурологии и стилистики к специфике поэтических идиостилей. Каждое художественное произведение фокусирует индивидуальный мир автора, его картину мира в эмоциях, оценках. Понимание призмы писателя, через которую пропускается человек и мир, дает возможность войти в творческую лабораторию писателя.

Актуальность исследования связана с тем, что опыт описания и моделирования языковой картины мира в художественном тексте открывает новые возможности системно-структурного анализа произведения словесного искусства, в котором будет учтена и семантическая структура слова, и особое, идейно-образное содержание.

Целью данной статьи является изучение специфических особенностей воспроизведения объективной действительности в художественном произведении.

Реализация намеченной цели предполагает решение следующей задачи: определение роли специфической работы человеческого сознания в процессе познания и отражения внешнего мира

Отражение в художественном произведении общечеловеческих ценностей создают особую его действенность. Поэт, идя от индивидуального, всегда угадывает общечеловеческое. Так происходит трансформация реального мира в мир поэтический. И в этом смысле текст – слепок бытия. Это тот путь, когда индивидуальное сознание становится рупором господствующего массового сознания. Реализация доминирующих в человеческом сознании общечеловеческих идеалов в художественном тексте часто обуславливает семантические преобразования слов на уровне дискурса произведения словесного искусства. Необходимо особо подчеркнуть, что в поэтическом тексте не просто воплощаются мысли и чувства автора, но и те состояния человеческого сознания, которые можно назвать эстетическими переживаниями человека. По-видимому, в формировании эстетического потенциала и заключается специфика преломления человеческого сознания в поэтическом тексте.

С древнейших времен человека сопровождают традиции. В течение тысячелетий они позволяли передавать мысли о человеческой жизни и природе. Многие традиции вобрали в себя как древнейшие, так и более новые представления людей о космосе, своем месте в нем, о своих поступках, о том, чем они должны гордиться и что уважать. Традиции отражают глубины человеческого сознания и подсознания и включают в себя религиозные, философские и психологические установки. С самого начала человеческой истории традиции были попыткой упорядочить смысл человеческого существования в таинственной вселенной. Они нашли свое отражение в литературе, философии, искусстве, светских и религиозных обрядах, фольклоре.

Для художественного освоения человеческого бытия характерен определяемый природой мифологического и религиозного мировоззрения традиционный прием персонификации космических сил. Последние – это боги, дьявол, духи умерших и т.д. Они вершат человеческими судьбами, вмешиваются в дела людей, являются на землю в образе человеческом.

Для И. Бродского слово – высший дар, то, что ведет к постижению высшего смысла бытия, человеческого предназначения, единственно возможный шаг через небытие. Бродский движется даже не в русле давней традиции: слово – орудие и материал для поэта, скорее даже наоборот. Поэт – всего лишь средство существования языка [4 (1: 15)].

И.А. Бродский, опираясь на литературно-философскую традицию, а также с позиций особенностей человеческого сознания, изображает бога в двух ипостасях. С одной стороны, **бог** – высшее существо:

...наш **лоцман – Бог**.

И только Ему мы должны внимать [4: 70];

Только Господь

вас видит с изнанки [2: 518].

С другой стороны, **бог** в поэзии И.А. Бродского повторяет действия человека:

В туче, **прячась, бродит Бог,**

ноготь месяца **грызя** [4 (2: 266)].

С точки зрения человеческого сознания, покоящегося на религиозных представлениях о мире и человеке, после смерти душа покидает тело, переходя в царство сверхразума. В поэзии И.А. Бродского значение слова **душа** обрастает дополнительными смыслами: душа обретает дар речи и получает возможность общаться со своим физическим телом:

Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.

Здесь я одна скорблю в небесной выси

о том, что создала своим трудом

тяжелые, как цепи, чувства, мысли... [2: 18].

Скоротечность жизни, необратимость времени с одной стороны и его бесконечность с другой – вопросы, которые всегда волновали человека. Черно-белый аскетичный мир Бродского с неумолимостью точных часов сужается до одной единственной точки, где не то чтобы жизнь кончается смертью, а жизнь и смерть соприкасаются как равноправные территории. Для лирического героя И.А. Бродского характерно болезненное отношение к идее смертности. Смерть отменяет будущее. Именно поэтому смерть так страшна, и именно поэтому при жизни она все омрачает: "**Мы боимся смерти, посмертной казни**" [2: 191].

Смерть рассматривается как провал в небытие: "Наверно, **после смерти пустота / И вероятнее, и хуже Ада**" [2: 186]. Поэт спорит с общечеловеческими представлениями о смерти, мысля ее по образу и подобию человека: "Это абсурд, **вранье: / череп, скелет, коса. / "Смерть придет, у нее / будут твои глаза**" [2: 181]. Бродский лишает ее романтического ореола. Смерть не смертельнее потери. Настоящая смерть смотрит глазами любимой. Кроме того, смерти часто свойственны поступки человека:

Смерть, знаешь, если есть свидетель,
отчетливее ставит точки,
чем в одиночку [2: 457].

На уровне сознания брак в идеальном варианте – это прочный союз навсегда. Именно такое понимание супружества способствует сочетаемости "смерть – это брак" в следующем отрывке. Ведь союз со смертью – это тоже союз навсегда:

Смерть – это брак, это свадьба в черном,
это те узы, что год от года
только прочнее, раз нет развода [4 (I: 19)], –

Стойкая гамма жизненных ориентиров, мыслей, стремлений, эмоций, моделей поведения людей определяется также мировосприятием конкретной нации в конкретном социально-политическом измерении. Поэтическое мышление отражает уровень знаний о мире данного общества и определяется бытием этого общества.

И.А. Бродский оказался современником социалистического общества, мораль которого гласила: "Советский образ жизни несовместим с безмерным фиксированием внимания на собственном "я", с самолюбованием, переоценкой собственных достоинств..." и т.п. [1: 330]. Советская литература культивировала внедрагедийность жизни, полное благополучие человека и миропорядка. Лирический герой советской литературы – человек прекрасный, физически и нравственно, он центр мироздания (позволим себе пример из поэзии А.А. Вознесенского: "Один на один со стихией, // и этим непобедим // частица людей и России, // и все же – один на один"). Социум развитого социализма не желал признавать индивидуальность с ощущением трагизма жизни. Это лжеблагополучие накладывалось на все, начиная от любви и заканчивая политикой, что, естественно, мертвило и то, и другое. Преобладание социального над человеческим вытесняло из поэзии советского периода индивидуальных, неповторимых личностей и превращало ее в мир безликих социальных и профессиональных признаков.

Бродский – это случай прорыва из псевдолитературы в литературу мирового уровня. Лирический герой И.А. Бродского ощущает себя безликой частью трагического мира, он всего лишь "Гражданин второсортной эпохи..." [2: 205]; "...пыль под забором..." [4 (I: 208)]; "...конец самого себя..." [2: 294]; "...никто, ничто..." [4 (3: 266)]; "...один из глухих облысевших послов // второсортной державы..." [2: 123]; "...вообще комар..." [2: 357].

Герой поэзии Бродского ступался – он раздавленный обшин распадом бытия и демонстрирует свой способ побега от реальности в собственный космос. Поэт одушевил, точнее, оживил органы человека: "*Гортань... того, благодарит судьбу*" [4 (3: 64)]; "*И горло поет о возрасте*" [4 (3: 16)]. Герой может быть представленный и такой синекдохой, как тело, шаги, мозг. Это не просто литературный прием, а неистребимое проникновение в духовный мир человека, которое проходит сквозь призму его физического естества. А в результате происходит, на наш взгляд, почти полное вытеснение лирического "я" из стихотворения:

...В каждом бедре с пеленок
сидит эта **склонность мышцы к мебели, к выкрутасам**
красного дерева, к шкапу, у чьих филенок,
в свою очередь, склонность к трем четвертям,
к анфасам с отпечатками пальцев [2: 496].

В приведенном контексте происходит актуализация и абстрагирование одного семантического признака при подавлении остальных. Для обозначения человека используются слова **бедро** и **мышца**, указывающие на части человеческого тела. В результате такого переноса части на целое – в описании людей как бы нивелируется

духовность. Ироническое восприятие поэтом человеческой склонности к мещанскому накоплению: "склонность мышцы к мебели" представляет человека разобранным на отдельные части.

Современная духовная ситуация не дает основания для веры в человеческое всемогущество, вечность прекрасного. Все очевиднее проявляются симптомы духовного упадка: ослабление социальных связей, цинизм, подмена истинных ценностей ложными. Возможно, поэтому взгляд поэта на любовь лишен оптимизма:

Любовь – есть **предисловие** к разлуке [4 (2: 281)].

Социальная картина мира и конкретная система мировоззрения находит отражение на лексико-семантическом уровне языка и, безусловно, проникает в ткань художественных текстов, но уже в переработанном в сознании художника слова виде.

Лирическому герою И.А. Бродского свойствен взгляд, "полный презрения – не к человеку, но к миропорядку" [3: 62]. Для передачи такой позиции своего героя автор использует элементы сниженного стиля:

Я как и вы, везде искал подвох.

И находил естественно. Солдаты –
такой народ – все время **норовят**
начальство **охмурить...** [2: 135].

Особое настроение отрывка создается с помощью слов "**норовят... охмурить**". Если в целях лингвистического эксперимента заменить слова "норовят... охмурить" их литературными синонимами – **хотят обмануть**, ситуация, представленная в отрывке и отражающая сущность общественного поведения и сознания русского человека как носителя так называемого городского диалекта, лишится эмоциональной привлекательности и может остаться попросту незамеченной.

Иосиф Бродский дисгармоничное состояние человека может выразить и так:

Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,

Жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок... [2: 373], –

слово **жрал** является особо значимым. В приведенном контексте оно реализует все оттенки своего значения (есть с жадностью (о животном) и пренебрежительное о человеке), передавая трагизм существования человека в современном мире, а также авторскую неудовлетворенность социально-политическими условиями жизни ("хлеб изгнанья"), пропущенную сквозь призму потребностей, интересов множества людей.

Таким образом, моделирование языковой картины мира художественном произведении происходит в результате специфической работы человеческого сознания, которое воспринимает различного рода семантические изменения не только благодаря отражению объективной действительности, но и его творческой обработке. Фактор человеческого сознания обуславливает обозначение действительности в соответствии с авторской идеей и эстетическим замыслом. Помимо социальных условий и общественной среды, к которой принадлежит человек, на характер ощущения мира влияют также специфические закономерности человеческой психики и личные качества человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1977. – 382 с.
2. Бродский И.А. Часть речи. Избранные стихи 1962-1989. – М.: Художественная литература, 1990. – 527 с.
3. Полухина Валентина, Пярли Юлле. Словарь тропов Бродского (на материале сборника "Часть речи"). – Тарту, 1995. – 342 с.
4. Сочинения Иосифа Бродского: В 4 т. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 1998.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Інна Перцова – кандидат філологічних наук, доцент кафедри зарубіжної літератури та компаративістики Кіровоградського державного педагогічного університету ім. В.Винниченка.

Наукові інтереси: семасіологія, стилістика, семантичні аспекти перекладу.